

Ольховская Светлана Александровна,
Студент, Дальневосточный филиал,
РГУП им. В. М. Лебедева
Olkhovskaya Svetlana Aleksandrovna,
Student, Far Eastern Branch,
Lebedev Russian State Pedagogical University

Коротченков Денис Алексеевич,
Доцент кафедры УПД, к.ю.н., доцент,
Дальневосточный филиал,
РГУП им. В. М. Лебедева
Korotchenkov Denis Alekseevich,
Associate Professor, PhD,
Associate Professor Far Eastern Branch,
Lebedev Russian State Unitary Enterprise

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДОВЕДЕНИЯ
ДО САМОУБИЙСТВА В СОВРЕМЕННОМ
УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ
PROBLEMS OF QUALIFICATION OF SUICIDE
IN MODERN RUSSIAN CRIMINAL LAW**

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. Анализируются признаки объективной и субъективной сторон состава, проблемы разграничения доведения до самоубийства со смежными составами преступлений. Особое внимание уделено трудностям доказывания причинно-следственной связи и влиянию информационных технологий на трансформацию способов совершения данного деяния в условиях цифровизации общества.

Abstract. The article discusses current issues of the qualification of a crime under Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation. It analyzes the features of the objective and subjective aspects of the offense, as well as the problems of distinguishing between suicide and related crimes. Special attention is given to the difficulties of proving a causal relationship and the impact of information technology on the transformation of the methods of committing this offense in the context of the digitalization of society.

Ключевые слова: Доведение до самоубийства, квалификация преступлений, ст. 110 УК РФ, объективная сторона, уголовная ответственность, суицидальное поведение.

Keywords: Suicide-inducing behavior, criminal liability, Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation, objective side, criminal responsibility, and suicidal behavior.

Защита человеческой жизни является приоритетной задачей любого правового государства. Конституция Российской Федерации провозглашает жизнь высшей ценностью, что накладывает на государство обязанность по созданию эффективных механизмов ее охраны. Одним из наиболее сложных в плане квалификации и доказывания преступлений против жизни является доведение до самоубийства. Несмотря на длительную историю существования данной нормы в отечественном уголовном праве, современные реалии ставят перед правоприменителем новые вызовы, требующие переосмысления классических подходов.

Актуальность темы обусловлена не только высокой общественной опасностью данного деяния, но и существенной трансформацией способов его совершения. Реформа уголовного законодательства 2017 года ввела новые статьи (110.1, 110.2 УК РФ), призванные противодействовать распространению «групп смерти» в информационно-телекоммуникационных сетях. Однако это породило дополнительные сложности при разграничении основного состава доведения до самоубийства от новых сопутствующих составов.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, характеризуется строго определенным в законе перечнем способов воздействия на потерпевшего: угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства. Проблема квалификации здесь заключается в том, что данный перечень является закрытым. В юридической литературе обоснованно отмечается, что иные формы психологического давления, не подпадающие под данные критерии, часто остаются за рамками уголовно-правовой оценки, даже если они привели к суициду [5, с. 42].

Угрозы как способ совершения преступления могут иметь различный характер. Традиционно под ними понимаются угрозы физической расправой, уничтожением имущества или разглашением позорящих сведений. Для квалификации по ст. 110 УК РФ важно, чтобы угроза воспринималась потерпевшим как реальная и была направлена на создание невыносимых условий существования. Однако на практике возникает вопрос: можно ли квалифицировать как доведение до самоубийства правомерные угрозы (например, угрозу расторжения брака или обращения в правоохранительные органы)? Большинство исследователей склоняются к тому, что законные действия, даже если они стали поводом для суицида, не могут образовать состав преступления, так как отсутствует противоправность деяния [2].

Жестокое обращение также вызывает дискуссии в правоприменительной практике. Оно может выражаться как в физическом (систематические побои, истязания, лишение пищи, сна), так и в психическом воздействии. Основная проблема здесь заключается в оценочном характере понятия «жестокость». То, что для одного человека является тяжелым испытанием, для другого может не стать фатальным фактором. Поэтому судам необходимо в каждом конкретном случае устанавливать индивидуальную чувствительность потерпевшего и тяжесть воздействия.

Систематическое унижение человеческого достоинства предполагает постоянные оскорбления, травлю (буллинг), клевету, направленные на подрыв авторитета личности в собственных глазах и глазах окружающих. Ключевым признаком здесь выступает систематичность, которая в судебной практике обычно трактуется как совершение действий три и более раз в течение непродолжительного периода времени [7].

Одной из центральных проблем квалификации является установление причинно-следственной связи между действиями виновного и актом самоубийства (или покушением на него). Суицид – это всегда волевой акт самого потерпевшего, что усложняет вменение результата другому лицу. Необходимо доказать, что именно противоправные действия виновного стали решающим фактором, сформировавшим у потерпевшего решение уйти из жизни. При этом наличие у потерпевшего фоновой депрессии, психических расстройств или тяжелых жизненных обстоятельств, не связанных с действиями виновного, может ставить под сомнение наличие состава преступления.

В этой связи особую роль играет судебно-психиатрическая и психологическая экспертиза. Эксперты должны ответить на вопрос, находился ли потерпевший в состоянии, исключающем возможность адекватного восприятия действительности, и было ли это состояние вызвано именно действиями обвиняемого. Нередко защита строит свою тактику на утверждении о «суицидальной предрасположенности» жертвы, что требует от следствия тщательного сбора доказательств, характеризующих личность и поведение потерпевшего до начала преступного воздействия [4, с. 118].

Субъективная сторона ст. 110 УК РФ также является предметом острых дискуссий. Долгое время господствовала точка зрения, что доведение до самоубийства возможно только с неосторожной формой вины по отношению к смерти. Однако судебная практика и современные доктринальные исследования допускают наличие косвенного умысла. Виновный может сознательно допускать, что его жестокое обращение приведет к суициду потерпевшего, или относиться к этому безразлично. Прямой умысел при доведении до самоубийства сближает это деяние с убийством, совершенным с особой жестокостью, что требует четкого разграничения [1].

Разграничение ст. 110 и ст. 105 УК РФ (убийство) основывается на свободе воли потерпевшего. Если потерпевший в силу возраста, психического состояния или применения к нему гипноза не осознавал характера совершаемых действий, то виновный должен нести ответственность за убийство. В случаях, когда воля потерпевшего была полностью подавлена насилием, исключаяющим выбор, деяние также квалифицируется как убийство.

С появлением ст. 110.1 УК РФ (склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства) возникли новые трудности. Склонение предполагает возбуждение у другого лица желания покончить с собой путем уговоров, подкупа или обмана. В отличие от ст. 110 УК РФ, здесь нет обязательного требования жестокого обращения или угроз. Проблема квалификации возникает в ситуациях, когда виновный использует комбинацию методов. Например, если лицо сначала унижает потерпевшего, а затем «советует» ему покончить с собой, возникает вопрос о конкуренции норм или совокупности преступлений. Большинство правоведов считают, что ст. 110 является специальной по отношению к методам воздействия, основанным на превосходстве и подавлении личности [8, с. 56].

Цифровизация общества привела к возникновению феномена кибербуллинга – систематической травли в сети Интернет. Квалификация таких действий по ст. 110 УК РФ осложнена анонимностью преступников и трудностью фиксации доказательств. Унижение достоинства в социальных сетях может носить массовый характер, когда к травле, начатой одним лицом, присоединяются тысячи других. Определение степени вины каждого участника и установление того, чье именно действие стало «последней каплей», представляет собой сложнейшую криминалистическую задачу.

Кроме того, законодатель предусмотрел повышенную ответственность за доведение до самоубийства в отношении несовершеннолетних и беременных женщин (ч. 2 ст. 110 УК РФ). Однако на практике установление факта того, что виновный заведомо знал о несовершеннолетии или беременности жертвы, особенно при интернет-общении, часто бывает затруднено. Без доказательства признака «заведомости» квалификация по второй части статьи невозможна.

Необходимо также затронуть вопрос о покушении на доведение до самоубийства. Согласно закону, преступление считается оконченным в момент совершения самоубийства или попытки его совершения. Если действия виновного (угрозы, жестокое обращение) имели место, но потерпевший не предпринял попытки суицида благодаря вмешательству третьих лиц или собственной психологической устойчивости, квалификация данных действий по ст. 110 через ст. 30 УК РФ остается спорной. Некоторые суды склонны видеть в этом отсутствие состава, так как общественно опасное последствие в виде суицидального акта не наступило [3].

Для совершенствования уголовного законодательства и практики его применения представляется необходимым расширение перечня способов доведения до самоубийства в диспозиции ст. 110 УК РФ. Целесообразно включить в него «иные формы психического давления», что позволит охватить современные методы манипуляции личностью. Также требуется более детальное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ по вопросам установления причинно-следственной связи в делах о суицидах, совершенных под влиянием информации в сети Интернет.

Подводя итог, можно констатировать, что квалификация доведения до самоубийства требует от правоприменителя глубокого анализа не только правовых, но и психологических аспектов взаимодействия виновного и потерпевшего. Сложность разграничения со смежными составами и трудности в доказывании умысла делают данную категорию дел одной из самых непростых в следственной и судебной практике. Дальнейшее развитие уголовной доктрины должно идти по пути конкретизации признаков объективной стороны и выработки четких критериев оценки психологического воздействия как способа совершения преступления.

Защита личности от деструктивного влияния, приводящего к фатальному решению, невозможна без комплексного подхода, сочетающего строгое соблюдение буквы закона с пониманием природы человеческой психики. Только при условии тщательного сбора доказательственной базы и корректного толкования признаков состава преступления возможно обеспечить справедливое наказание для лиц, чьи действия посягают на самое ценное – право человека на жизнь.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (в части вопросов психического воздействия).
3. Бородин С. В. Преступления против жизни. – М.: Юристъ, 2003. – 356 с.
4. Волкова Т. Н. Проблемы квалификации доведения до самоубийства // Вестник уголовного права. – 2021. – № 2. – С. 115-120.
5. Грошев А. В. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: учебное пособие. – Краснодар, 2022. – 180 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2023. – 1120 с.
7. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. – М.: Госюриздат, 1960. – 244 с.
8. Сабитов Р. А. Уголовно-правовая квалификация доведения до суицида в цифровой среде // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 4. – С. 54-59.

